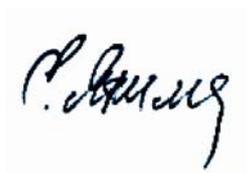

На правах рукописи

ЯКИМЕНКО Екатерина Романовна

**ПРОЛЕТАРСКАЯ ПОЭЗИЯ ЦАРИЦЫНА
1920-х ГОДОВ:
ИСТОКИ И ОБРАЗНЫЙ СТРОЙ**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Волгоград – 2017

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет».

Научный руководитель – *Тропкина Надежда Евгеньевна*, доктор филологических наук, профессор.

Официальные оппоненты: *Останкович Анатолий Вячеславович*, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», профессор кафедры отечественной и мировой литературы);

Спесивцева Любовь Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», доцент кафедры литературы).

Ведущая организация – ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет».

Защита состоится 19 мая 2017 г. в 12.30 час. на заседании диссертационного совета Д 212.027.03 в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете по адресу: 400066, г. Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Волгоградского государственного социально-педагогического университета: <http://www.vgpu.org>.

Автореферат разослан 7 апреля 2017 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
доцент

К.И. Декатова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Исследование художественной словесности во всей ее полноте предполагает обращение не только к наиболее значительным художественным текстам, но и к произведениям, составляющим периферию литературного процесса. К числу последних можно отнести пролетарскую поэзию Царицына начала 1920-х гг., **актуальность** исследования которой обусловлена рядом факторов.

Во-первых, для того чтобы объективно составить наиболее полное представление о феномене пролетарской литературы первой половины 1920-х гг., необходимо отказаться от ее тенденциозного рассмотрения, присущего как советскому, так и постсоветскому литературоведению.

Во-вторых, нуждается в более пристальном рассмотрении образный строй произведений пролетарских поэтов, поскольку большинство исследователей уделяли преимущественное внимание идеологическому контексту, который сопутствовал их творчеству.

В-третьих, актуальность работы определяется возросшим в последние годы интересом литературоведения к локальному тексту как к разновидности сверткста (Н.Е. Меднис). Проблема специфики литературных произведений, отражающих жизнь провинциальных городов России, активно изучается с позиций регионального литературоведения. С этих позиций и необходимо рассмотреть творчество пролетарских поэтов Царицына, которое является органичной частью царицынского текста русской литературы.

Объектом исследования являются произведения пролетарских поэтов Царицына, созданные и опубликованные в первой половине 1920-х гг.

Предмет исследования – система мотивов и образов, наиболее характерных для стихотворных произведений пролетарских поэтов Царицына первой половины 1920-х гг.

Материалом исследования послужили произведения пролетарских поэтов Царицына, опубликованные в изданиях Царицынской ассоциации пролетарских писателей (ЦАПП): журнале «Пламя» (1923–1925 гг.), литературном еженедельнике «Факел», царицынской губернской газете «Борьба» (1921–1925 гг.), в отдельных изданиях начала 1920-х гг. В диссертации использованы материалы Государственного архива Волгоградской области и Центра документации новейшей истории Волгоградской области.

Цель работы состоит в том, чтобы, проанализировав литературные и фольклорные истоки, выявить особенности образного строя пролетарской поэзии Царицына.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1) определить на материале творчества поэтов ЦАПП место, которое занимала пролетарская поэзия первой половины 1920-х гг. в литературном процессе;

2) изучить историю возникновения и этапы развития пролетарской поэзии Царицына;

3) выявить литературные и фольклорные традиции в творчестве пролетарских поэтов Царицына;

4) проанализировать систему мотивов и образов, наиболее репрезентативных для произведений царицынских поэтов начала 1920-х гг.

Методологической основой работы явились труды литературоведов советского времени (П.С. Выходцев, Л.В. Долженко, К.В. Дрягин, К.Л. Зелинский, В.А. Келдыш, В.Л. Львов-Рогачевский, А.Н. Меньшутин, Ю.Д. Нестеров, Л.С. Николаева, Н.В. Осьмаков, З.С. Паперный, В.П. Раков, А.П. Селивановский, А.Д. Синявский, Л.М. Фарбер, И.С. Эвентов и др.) и постсоветского периода (М.А. Левченко, Е.А. Добренко и др.), посвященные пролетарской поэзии; работы, в которых рассматриваются история литературы Царицына (В.Г. Зеленина, В.Б. Смирнов и др.) и специфика царицынского текста русской литературы (Е.С. Бирючева, А.Х. Гольденберг, Н.Е. Рябцева, В.И. Супрун, Н.Е. Тропкина и др.).

Методы исследования обусловлены поставленными в работе целями и задачами. Использовались методы традиционного историко-литературного анализа при изучении истории Царицынской ассоциации пролетарских писателей; метод мотивного анализа при выявлении наиболее характерных для пролетарской поэзии Царицына мотивов и образов; системный метод, включающий целостный анализ лирического стихотворения при рассмотрении отдельных произведений пролетарских поэтов Царицына.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые предпринято литературоведческое исследование пролетарской поэзии Царицына; выявлена система мотивов и образов, наиболее характерных для стихотворных произведений царицынских пролетарских поэтов; введены в научный оборот материалы, связанные с историей Царицынской ассоциации пролетарских писателей, с жизнью и творчеством входивших в нее поэтов.

Теоретическая значимость диссертации определяется тем, что в ней углубляется и развивается представление о локальном тексте русской литературы; вносится вклад в изучение образного строя, в частности, хронотопа, лирической и лироэпической поэзии.

Практическая значимость работы определяется тем, что представленные в ней материалы могут быть использованы при разработке

лекционных курсов по истории русской литературы XX в., спецкурсов по региональному литературоведению, в практике подготовки элективных курсов по литературному краеведению в средней школе; при подготовке научных изданий произведений пролетарских поэтов.

Положения, выносимые на защиту:

1) пролетарская поэзия первой половины 1920-х гг. занимает промежуточное место в развитии русской литературы XX в.: с одной стороны, в ней преодолевается сложившийся художественный канон Пролеткульта, с другой – формируется система мотивов и образов, характерных для советской поэзии 1930–1950-х гг.;

2) создание, развитие, самоопределение и художественная практика ЦАПП обусловлены принадлежностью ее и к пролетарской поэзии в целом, и к царицынскому тексту, обусловленному в 1920-х гг. ролью города как индустриального центра юго-востока России;

3) истоки пролетарской поэзии Царицына восходят к традициям русской демократической литературы и городского фольклора;

4) в поэтических произведениях пролетарской поэзии Царицына сложилась устойчивая система мотивов и образов производственного, природного, урбанистического, антропологического пространства.

Оценка достоверности результатов исследования выявила: применены адекватные методы и приемы исследования; репрезентативен материал исследования, который включает широкий круг художественных текстов пролетарских поэтов Царицына; полученные теоретические и практические выводы опираются на значительную теоретико-методологическую базу, основные выводы отражены в публикациях в журналах и сборниках научных статей в Москве, Волгограде, Санкт-Петербурге, Чите, Ростове-на-Дону, Оренбурге.

Апробация работы и публикации: концепция, основные идеи и результаты исследования были представлены в ходе выступлений с докладами на V и VI международных научных конференциях «Рациональное и эмоциональное в литературе и фольклоре» (Волгоград, 2009, 2011), III Международной научной конференции «Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты» (Чита, 2010); IV Международной научной конференции «Восток – Запад: пространство природы и пространство культуры в русской литературе и фольклоре» (Волгоград, 2011), IX Международной научной конференции «Литература в диалоге культур» (Ростов-на-Дону, 2011), Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов «Филологические чтения» (Оренбург, 2014). По теме диссертации опубликовано 19 работ.

Структура работы. Работа включает введение, две главы, список использованной литературы, включающий 330 позиций, и два приложения.

Приложение 1 включает биографические сведения о пролетарских поэтах Царицына. Приложение 2 – тексты их произведений, а также ряд архивных документов, относящихся к истории Царицынской ассоциации пролетарских писателей.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** определяются актуальность избранной темы, объект и предмет исследования, намечаются цель, задачи, формулируются положения, выносимые на защиту, охарактеризованы научная новизна, методы исследования, теоретико-методологическая база, теоретическая и практическая значимость, апробация работы.

В **первой главе** «Истоки пролетарской поэзии Царицына» рассматриваются предпосылки возникновения, литературные и фольклорные истоки и этапы творческого движения авторов, которые создавали и публиковали свои стихотворные произведения в рамках деятельности Царицынской ассоциации пролетарских писателей.

Параграф 1.1 «*Место пролетарской поэзии начала 1920-х годов в литературном процессе*» посвящен рассмотрению сложных, часто спорных проблем, связанных с пролетарской литературой. В этом ряду – проблема самой возможности создания пролетариатом собственного искусства, критерии принадлежности авторов к пролетарскому искусству, вопрос об эстетической ценности произведений поэтов-пролетариев, об их месте в литературном процессе. Рассматриваются взгляды Г.В. Плеханова, А.Н. Потресова, А.А. Богданова, Л.Д. Троцкого на пролетарскую литературу.

В параграфе 1.2 «*История Царицынской ассоциации пролетарских писателей*» рассматриваются исторические предпосылки формирования литературного движения пролетарских писателей в Царицыне и его история.

Последняя треть XIX в. была временем преобразования уездного Царицына в промышленный центр региона: «Царицын накануне 1914 года был самым развитым промышленным городом юго-востока страны, его индустриальным центром»¹. Царицын называли «русским Чикаго». Поэтому закономерно, что именно в городе, где такую значительную часть населения составляли рабочие промышленных предприятий, формируется мощное движение пролетарских писателей, создается одно из крупнейших в стране

¹ Филиппова А.П. Царицын накануне и во время Первой мировой войны // Царицын. Сталинград. Волгоград. Вехи истории: альманах. Волгоград: ФГБУК «Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва»», 2014. С. 4.

отделений Всероссийской ассоциации пролетарских писателей, издается журнал, значение которого выходит далеко за пределы региона.

Начало деятельности Царицынской ассоциации пролетарских писателей относится к 1921 г. История создания и развития объединения пролетарских писателей Царицына рассматривается на материале публикаций в губернской газете «Борьба» 1921–1925 гг., в альманахах, издававшихся ЦАПП, на материале отдельных архивных документов того периода.

Пролетарская поэзия Царицына рассматривается как органическая составляющая «царицынского текста» русской литературы, который складывался и развивался по законам «локального текста», являющегося одной из разновидностей «сверхтекста» (Н.Е. Меднис).

Существенная роль Царицына в национальной истории и национальном сознании, определившаяся в конце XIX–начале XX в., обуславливает актуальный статус царицынского текста в русской литературе. Само понятие вводится в научный оборот в монографии А.Х. Гольденберга и Е.С. Бирючевой «Жизнь и литературная судьба И.Д. Сазанова», в частности в главе «У истоков “царицынского текста”»².

Главным печатным органом Царицынской ассоциации пролетарских писателей был журнал «Пламя», который издавался в 1923–1925 гг. В диссертации дается детальный анализ содержания журнала, отмечаются тенденции к его изменению: движение от культурно-просветительских задач к агитационно-пропагандистским.

В параграфе 1.3 «*Литературные и фольклорные традиции в пролетарской поэзии Царицына*» рассматриваются истоки пролетарской поэзии Царицына в традициях русской демократической литературы, в частности поэзии народников. Одной из особенностей, сближающих поэзию народничества и пролетарскую поэзию, можно назвать приоритет идейной установки над эстетической ценностью литературного текста. Эстетическая вторичность, подражательность, шаблонность образов, не раз отмеченная критиками по отношению к агитационной поэзии народников, в стихотворениях пролетарских поэтов нередко обретает гипертрофические черты. При этом для пролетарской поэзии в меньшей мере характерна подражательность и в большей мере – черты массового творчества, нередко отсутствие не только поэтического мастерства, знания «поэтической азбуки», но и стремления к его обретению.

Установкой на агитационность предопределяется создание поэтами-народниками обобщенного образа революционера-борца, который оказался

² См.: Гольденберг А.Х., Бирючева Е.С. Жизнь и литературная судьба И.Д. Сазанова. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014.

созвучен пролетарским поэтам. Среди тем и мотивов, воспринятых от поэзии революционного народничества, были мотивы жертвенности и тема труда, вдохновлявшие многих поэтов. Однако они подвергаются существенному изменению, в пролетарской поэзии пореволюционных лет часто приобретают иное, гораздо более оптимистическое звучание.

В пролетарской поэзии Царицына влияние традиций народнической лирики проявилось прежде всего в стихотворениях, посвященных революционной теме. Сочетание пафоса борьбы с культом жертвенности звучит в стихотворении царицынского поэта В. Темного «Решительно шли мы на битву...»:

Решительно шли мы на битву,
Шли смерти навстречу, сомкнувши штыки,
И жены нам вслед не шептали молитвы,
И слали проклятья отцы-старики.
И было нас мало, но мы победили
И в царство коммуны очистили путь.
И нет во всем мире такой уже силы,
Чтоб с нашей дороги могла нас свернуть (Борьба. 1926. 7 февр.).

Образный строй стихотворения, его интонации, прием анафоры ориентированы на традицию, близкую к художественному строю народнической поэзии.

Мотивно-образный строй демократической поэзии, прежде всего поэзии народничества, можно назвать одним из существенных истоков пролетарской литературы, в том числе пролетарской поэзии Царицына.

Вместе с тем пролетарская поэзия формируется под влиянием сложившихся к 1920-м гг. фольклорных традиций. Прежде всего, это рабочий фольклор, в котором наиболее существенное место занимают песни русского пролетариата.

Для пролетарской поэзии характерны отрицание традиционного крестьянского фольклора и обращение к жанрам, которые обретают популярность в начале XX в. В параграфе рассматривается влияние на творчество поэтов-пролетариев Царицына частушек, песен, которые входили в репертуар городского фольклора эпохи нэпа, «жестокое романса». В поэме В. Темного «В черном тумане», рассказывающей о трагической любви Вани и Маши, прослеживается влияние «жестокое романса» в сюжете, полном роковых страстей: заводчик надругался над Машей, заманив ее к себе в дом, а Ваня отомстил, перерезав ему горло. Под влиянием традиций жанра формируются образный строй и интонации стихотворения В. Темного с характерным названием «Романс»:

Могу ль тебя я не воспеть,
тебя, одну из черных фей?
К тебе ли сердце пламенеть
не устает в груди моей? (Пламя. 1923. № 2. С. 10).

Традиционная фольклорная символика в произведениях пролетарских поэтов может трансформироваться, обретать новую семантику. В работе это рассматривается на примере мотива весны как обновления жизни.

Во **второй главе** «Образный строй пролетарской поэзии Царицына» рассматривается система мотивов и образов, наиболее характерных для стихотворных произведений, написанных и опубликованных в первой половине 1920-х гг. членами ЦАПП.

В параграфе 2.1 «*Производственное пространство в произведениях пролетарских поэтов Царицына*» рассматривается мотивно-образный комплекс, связанный с производственной сферой.

Труд рабочего на заводах, фабриках, железной дороге – исконно одна из главных тем пролетарской литературы. Определенная установка в сфере изображения производственного пространства характерна для поэзии Пролеткульта. М.А. Левченко отмечает: «Собственно сам “завод” (“у станка”, “в кузнице”, “у машины” и пр.) для Пролеткульта есть особый, отграниченный от остального пространства локус. Это безусловно иное пространство, рождающее (“Я отрок рос в железном храме...” М. Герасимова); <...> родственное “раю”, и, как уже говорилось, одеяющее “сознанием” побывавшего в нем»³.

Общие тенденции, характерные для образного строя пролетарской поэзии, находят яркое воплощение в стихотворениях царицынских поэтов-пролетариев. Это связано с историческими реалиями индустриального Царицына, о чем было сказано выше. Отмеченная тенденция обусловлена и биографией исследуемых авторов, большинство из которых были рабочими промышленных предприятий города.

Производственное пространство преобладает в стихотворных произведениях поэтов-пролетариев Царицына. Показательны строки стихотворения С. Ленского «Юным пионерам», опубликованного в журнале «Пламя» в 1923 г. Формирование личности подростка интерпретируется в нем как формовка неживого предмета:

Как ковкий металл в мастерской
вас лектор формирует – точит (Пламя. 1923. № 7. С. 3).

Характерно, что глагол «формовать» – технический термин из сферы металлургии. В стихотворении ему отчасти придана антропологическая семантика.

В творчестве пролетарских поэтов Царицына образы, связанные с производством металла, занимают существенное место. Знаменателен эпитет

³ Левченко М.А. Индустриальная свирель: Поэзия Пролеткульта 1917–1921 гг. СПб.: СПГУТД, 2007. С. 108.

в стихотворении царицынского поэта Н. Золотухина: «Пойду израненной дорогой / искать иных, **железных** песен» (Пламя. 1923. № 6. С. 5) (ср. в стихотворении другого царицынского автора С. Ленского: «В труде с железом я сливаюсь»). В стихотворении Н. Золотухина эпитет «железный» становится емкой характеристикой, которой обозначены «мы» – именно так названо его стихотворение.

Производственное пространство описывается пролетарскими поэтами как величественное, грандиозное. Приведем строки стихотворения царицынского пролетарского поэта Я. Горбушина «Утренней зарей»:

О, как хорошо, порывно
глядеть на *гигантский* завод (курсив наш. – Е.Я.) (Пламя.1923. № 3. С. 9).

Зримый образ производственного пространства, связанного с процессом выплавки иликовки стали, порождает и ряд мотивов, сопряженных с образами огня, таких как искры, лава. Так, к огненной символике обращаются царицынские поэты-пролетарии И. Стукалов: «Я не один бросаю искры света в бездны», С. Ленский: «Горно пыхтит, вулканом искры сыплет». Характерны строки стихотворения царицынского автора В. Соловьева «Комсомольская кузница»:

Искры. Грохот.
Хохот. Хохот...
Визг. Шипенье...
Сталь, как тесто (Пламя.1923. № 3. С. 9).

Одним из ярких примеров воссоздания производственного пространства в стихотворениях пролетарских поэтов Царицына можно назвать стихотворение И. Стукалова «В мартеновском цехе»:

Мчатся искры, как красные галки,
цех шумит, как под бурею лес,
выплывают кометы – вагранки
под тяжелый грохочущий пресс (Пламя. 1923. № 3. С. 7).

В этом стихотворении нашли отражение весьма существенные особенности образного строя пролетарской поэзии Царицына. Производственное пространство увидено и глазами человека, непосредственно в нем пребывающего, характерно обращение к реалиям производства (мартен, изложницы, вагранки, пресс). Вместе с тем в стихотворении предстает мифологизированная картина, в которой производственное пространство наделено, с одной стороны,

антропоморфными чертами («пасти мартен», «пасть горна»), с другой – оно вписано в ряд природных образов («Мчатся искры, как красные галки, / цех шумит, как под бурею лес»), разрастаясь до масштабов космического действия (*кометы-вагранки*).

Устойчивыми атрибутами рассматриваемого пространства становятся звуки, которые сопровождают производственный процесс, – шум станков, стук и грохот. В грохоте и шуме производства пролетарским поэтам Царицына слышится радостный звук свободного труда, проявление силы и могущества человека-творца. Приведем строки стихотворения Н. Ладыгина:

Мастерская громыхает,
целый день не утихая.
Шум и стук,
стук и гам.
Льется мощной силы звук
трудоу мажорной гаммы... (курсив наш. – Е.Я.) (Пламя. 1925.
№ 2. С. 40).

В стихотворении акцентируются позитивные коннотации производственных звуков, что отражено в эпитетах «мощный», «мажорный». Звуки, характерные для производственной сферы, противопоставлены звукам природы и домашнего обихода по признаку силы и мощи: они «громкозвучны».

Наиболее характерен для описания производственного пространства звук заводского гудка, который становится устойчивым атрибутом городского топоса в стихотворениях пролетарских поэтов Царицына. Пример тому – стихотворение Н. Золотухина «Утром»:

Нас
встречают звуки часовых-заводов,
часовых-заводов – огневых гудков,
потрясая
гулом
голубые своды,
рассыпая
искры
утренних цветов (Пламя. 1923. № 1. С. 7).

Рассматривая пролетарскую поэзию в общем контексте истории писательской организации Царицына – Сталинграда – Волгограда, подход ко всем явлениям жизни под углом производства и трудовых процессов принимает художественную форму трудового рабочего антропоморфизма.

Антропоморфизм стал доминантой пространственного континуума пролетарской поэзии, в которой неживое, механическое осмысливается как одушевленное, очеловеченное. Приведем пример из стихотворения царицынского поэта Василия Темного: «завод наш исполин / плясал от доменных печей» (Пламя. 1923. № 8. С. 10).

Одна из характерных тенденций художественной актуализации производственного топоса в пролетарской поэзии – его широкая экспансия. Производственное пространство охватывает все сферы человеческой жизни. В него вписаны мотивы и образы любовной лирики царицынских поэтов-пролетариев. Пример тому – стихотворение Н. Золотухина «Из металла»:

Я видел среди станков ее опять,
она была в лучах багряного металла.
<.....>
Я чувствовал: любовь, как плавка клокотала
в стальной ее груди;
она железные цветы в руках сплетала
<.....>
и волос вьющийся ее с пробором
был точно вылит из металла (Пламя. 1925. № 2. С. 40).

Само производственное пространство в тексте оборачивается развернутой метафорой любовного чувства. В стихотворении Н. Золотухина «Волжанка» героиня стихотворения переживает измену любимого. Как условие спасения от душевных страданий в стихотворении трактуется перемещение ее в производственное пространство:

Я пойду
работать на завод. Молодую
внутреннюю рану
мне залечит стали хоровод (Пламя. 1923. № 4. С. 7).

Пребывание в производственном пространстве трактуется в произведениях пролетарских поэтов Царицына и как своего рода условие поэтического творчества. Характерно стихотворение Я. Горбушина «В огне». Пространственная структура текста базируется на оппозиции топоса деревни и топоса города, при этом город трактуется именно как вместительное производственное локуса. Образ деревни связывается с природой, полями, которые определяются двумя эпитетами – «далекие» и «зеленые». Далее топос деревни характеризуется негативно: это пространство косное, унылое и отсталое: «лачуги молчаньем покрытые». Финал стихотворения – возвращение героя в сферу производственного пространства. Характерно в

этом контексте использование слов высокого стиля (завод как «сильный гений», завод «огнекрылый»). Возвращение к заводу оборачивается и возвращением к творчеству: «И лавой красной, горделивой / закапали стихи мои».

Таким образом, производственное пространство является в произведениях пролетарских поэтов Царицына определяющим. В его поэтике ярко и наглядно проявляются характерные тенденции пролетарской поэзии на переломе исторического времени, ознаменованного переходом от революции и Гражданской войны к мирному строительству.

В параграфе 2.2 «*Пространство природы в произведениях царицынских поэтов 1920-х годов*» рассматривается система мотивов и образов, характерных для топоса природы в творчестве авторов, входивших в ЦАПП. В картине мира, созданной в пролетарской поэзии, ожидаемым является преобладание образов из техногенной сферы. В русле общей тенденции прослеживается полемическая эстетическая установка и в лирике пролетарских поэтов Царицына. Н. Золотухин публикует очень характерное стихотворение «Из песен о себе», в котором автор полемизирует с С. Есениным.

В произведениях пролетарских поэтов Царицына, как и в пролетарской поэзии в целом, пространство природы становится источником метафорики. Это рассматривается в параграфе на примере двух образов, которые составляют семантическую оппозицию: ветер и туман. В стихотворениях царицынских пролетарских поэтов образы ветра, вихря, бури наделяются позитивными коннотациями: природная стихия символизирует силу, которая должна радикально изменить жизнь: «Ветер, буйный ветер! / Взвейся красным вихрем» в стихотворении В. Темного «В осень». Образ тумана маркирует статическое пространство, которое символизирует в произведениях царицынских поэтов прошлое: в поэме В. Темного «В черном тумане», в стихотворении И. Валяло «Первые вести», в поэме М. Субботина «Наборщица».

Особое место в ряду образов природного пространства у царицынских поэтов-пролетариев занимает образ Волги. Семантика этого образа рассматривается на примере стихотворения Н. Золотухина «Волжанка», в котором использован фольклорный прием психологического параллелизма.

Существенная черта пролетарской поэзии – масштабность образов, то, что критики и теоретики еще в 1920-х гг. определили как «планетарность», «космизм». Наиболее ярко это проявилось в поэзии Пролеткульта. Пролетарская поэзия Царицына – стадияльно более позднее литературное явление, нежели поэзия Пролеткульта. В стихотворениях авторов, входивших в ЦАПП, можно отметить двойственные тенденции. С одной стороны, это явное влияние картины мира, сформировавшейся в русле Пролеткультовской поэзии. С другой – отход от абстрактных образов, от планетарного

пространства к земной конкретике. Поэтому в пролетарской поэзии Царицына можно отметить лишь отдельные отголоски образов пространства, определяемых такими дефинициями, как «космизм», «планетарность». В стихотворениях поэтов Царицына встречается обращение к астральной символике, однако ее семантика трансформируется: красная звезда в стихотворении Я. Горбушина «Мы победим» – скорее устойчивый идеологический штамп, нежели образ, относящийся к небесной сфере:

Красная наша звезда,
ярко – солнечно блещет;
и песнь мирового труда
мчится огненно – веще! (Пламя. 1923. № 3. С. 9).

В параграфе 2.3 «*Пространство города в пролетарской поэзии Царицына*» рассматриваются урбанистические мотивы и образы у поэтов, входивших в ЦАПП. Город прошлого наделяется у поэтов-пролетариев, как правило, отрицательными коннотациями. В стихотворениях С. Ленского урбанистическое пространство интерпретируется как топос, маркированный прямым противостоянием старого и нового миров: городу торжествующего нэпмана противопоставлено пространство революционного митинга.

Хронотоп города в пролетарской поэзии Царицына воссоздается в трех временных пластах: это проклятое прошлое, тяжелое, но при этом радостное настоящее и лучезарное будущее, которое смоделировано по законам литературной утопии. В стихотворении царицынского поэта-пролетария Н. Сказина «О грядущем» возникает образ города, каким поэт представляет его в отдаленном будущем:

Рабочий – пахарь
через
сотни лет и зим
раскинет города
в пустых теперь
полях.
Не хат
соломенные крыши –
сад густой,
а в нем,
цветением горя,
дома – диковина (Пламя. 1925. № 5. С. 99).

Образ города-сада в этом стихотворении – одна из устойчивых составляющих советской мифологии. Урбанистический топос выстраивается в пролетарской поэзии Царицына в соответствии с идеологическими

установками и последовательно символизирует движение от прошлого к настоящему и будущему.

Параграф 2.4 «*Антропологическое пространство в творчестве поэтов ЦАПП*» посвящен рассмотрению антропологических образов, которые порождают систему антропологических моделей топоса. Их классификация ориентирована на различные признаки: возрастные, гендерные. Первая из этих моделей связана с пространством детства.

Детство героя-пролетария, как правило, приходилось на дореволюционный период. Как всякое детство, оно вызывает радостные воспоминания о веселых играх, о друзьях. Однако в этих воспоминаниях значительное место занимают и мотивы горькой памяти о нужде, тяжелом труде, унижениях и притеснениях. В стихотворной строке С. Ленского это отливается в своего рода поэтическую формулу, обращенную к молодому поколению, – стихотворение названо «Юным пионерам»: это дети «без креста и сорочки / рожденные хатой-подвалом». Сказанным объясняется то, что образы детства у пролетарских поэтов часто маркированы негативными коннотациями. Приведем в качестве примера стихотворение царицынского поэта Ивана Закоблукова «В новые дни». Само заглавие текста характерно: его временная модель строится на устойчивой антитезе *старое / новое, прежнее / нынешнее*. Двойственность ярко выражена в стихотворении: воспоминания о веселье и играх сочетаются с памятью о тяготах нищего сиротского детства. Негативно маркированным топосом детства может быть город («Папиросник» П. Коростелева) или деревня (поэма В. Темного «В черном тумане»).

В стихотворениях, которые обращены к современности, детство показано как радостное и счастливое время, с использованием советских клише и ярко выраженных идеологических установок авторы пишут о формировании нового человека. Образы пространства в таких стихотворениях, как правило, абстрактны: это пространство мировой революции («Юным пионерам» С. Ленского). В стихотворении Н. Сказина «РКСМ» процесс формирования нового человека раскрывается двояко: как целенаправленное воспитание в труде и как чудо рождения нового мира в огне.

Образы, связанные со старостью, редко встречаются в пролетарской поэзии, и при этом старость может быть наделена отрицательной семантикой – это неподвижность, косность, бессилие: «И слали проклятья отцы-старики» («Наш путь» В. Темного); «Пусть проклятья мне шлет старый сказочный бог» («Я сегодня в пыли...» И. Стукалова), «Старым, дряхлым нет здесь места» («Комсомольская кузница» В. Соловьева). Характерно в этом

аспекте стихотворение царицынского пролетарского поэта Н. Никитина «Сквозь тернистый затор...»:

Сквозь тернистый затор
на широкий простор
жизни творческой,
новью овейной, –
мы пробьемся,
.....
смоем
хилую старь!.. (Пламя. 1923. № 1. С. 5).

Образ старика может быть наделен и позитивным смыслом, если он, будучи стар годами, ощущает себя молодым, причастным к строительству новой жизни. Таким предстает этот образ в стихотворении С. Ленского «Песнь старика кузнеца»: «Я стар, но дух могуч и молод».

Антропологические образы, обусловленные категорией возраста, коррелируют с гендерными антропологическими образами. Тема женской судьбы занимает значительное место в творчестве поэтов-пролетариев.

Одной из наиболее устойчивых тенденций, характерных для пролетарской поэзии и для пролетарской литературы в целом, была установка на отказ от традиционных семейных ценностей и понимания роли женщины как хранительницы домашнего очага, хозяйки дома. Семейный быт трактовался как нечто устаревшее, изжившее себя, как часть старой жизни, проклятого прошлого. Особенности женских образов в пролетарской поэзии Царицына рассматриваются в параграфе 2.4 в контексте архивных документов – протоколов заседаний губернского отдела работниц 1923 г. Риторика и стилистика документов и стихотворных текстов близки: о женщине говорится как о партийном товарище, единомышленнике. Пример тому – стихотворение К. Аргальского «Подруге»:

Я возьму тебя за руку –
загубелая она,
но за то она борьбою
и трудом освящена («Пламя». 1923. № 3. С. 9).

Традиционное антропологическое пространство, обусловленное гендерной принадлежностью, в пролетарской поэзии, в том числе пролетарской поэзии Царицына, трансформируется с учетом установки на идею освобождения женщины от семейного гнета, от дома и быта. Так происходит,

например, в стихотворении «Работнице» царицынского пролетарского поэта В. Соловьева:

Ты, что в прошлом мужьями забита,
в этот день все заботы отбрось,
чтобы в гроб уходящего быта
забить приготовленный гвоздь.
Чтоб от Андов до русла, где Каспий
соленую пену клубит,
твой голос миллионный распял
этот старый, изглоданный быт (Пламя. 1925. №5. С. 99).

Трансформация пространства женского образа актуализируется как уход от традиционной отнесенности его к сфере дома и совмещение с производственным топосом, слияние с ним: «ты, встряхнувши беспечно кудрями / своей песней слилася с машиной» («У станка» В. Темного). Женский образ интерпретируется как составляющая производственного процесса, наделяется гипертрофированными чертами силы и мощи металла. Сравните в стихотворении царицынского поэта В. Соловьева:

Девушку,
с телом стальным,
встретил сегодня
в пути.

С этими строками перекликаются строки стихотворения И. Шеронова «Работнице-девушке»:

Она в завод вступила рано,
сдружилась с ним, как с женихом.
<.....>
и вот, она вся из металла
вступила на железный путь (Пламя. 1923. №7. С. 11).

В ряду антропологических образов в параграфе 2.4 рассматривается и образ авторского «я» в пролетарской поэзии Царицына. Герой пролетарской поэзии – это, прежде всего, коллектив, характерен уход от «я» как наследия буржуазного индивидуализма и обращение к авторскому «мы». Субъектно-объектная структура, ориентированная на образ коллективного «мы-автора», была наиболее наглядно представлена в поэзии Пролеткульта. В творчестве поэтов Царицына мотивы и образы коллективного творческого «я» актуализируются в ряде произведений, например в стихотворении И. Стукалова «Я не один»: «мы все – великий коллектив». С полемической

заостренностью эта тенденция выражена в стихотворении царицынского поэта Н. Никитина:

И не я...
И не ты...
И не он...
Вместе ринемся
в вече кипучее (Пламя. 1923. № 1. С. 5).

Вместе с тем пролетарские поэты 1920-х гг. уходят от схематичной и абстрактной модели коллективного авторства, конкретизируют образ авторского «я», детализируют его. В произведениях царицынских поэтов возникает своего рода конфликт между эстетической установкой на коллективное авторство и спонтанным, непосредственным проявлением чувств и переживаний поэтов-пролетариев.

В параграфе 2.5 *«Библейские и мифологические мотивы и образы в художественной системе пролетарской поэзии Царицына»* рассматриваются мотивы и образы, связанные с библейской и мифологической символикой, в стихотворениях царицынских поэтов-пролетариев. Активная антирелигиозная пропаганда сочеталась в творчестве этих авторов, воспитанных в христианской традиции, с обращением к библейской образности. Эту общую тенденцию, которая нашла наиболее яркое выражение в поэзии Пролеткульта с его «Железным мессией» В. Кириллова, можно обнаружить и в стихотворениях царицынских поэтов-пролетариев, например, у В. Темного в строках, воспевающих «святой обряд труда».

Наряду с библейской символикой существенное место в пролетарской литературе занимают мифологические образы, что соотносится с общими тенденциями развития литературы и культуры в начале XX в.

Система мифологических образов, которые использовали пролетарские поэты в своих произведениях, представляет особый интерес для изучения. Пролетарская поэзия пытается интуитивно, иррационально познать мир, в известной мере так же, как и миф, сочетая этот путь познания мира и текстопорождения с рационально выстроенными идейными установками. Эти закономерности проявляются в пролетарской поэзии в целом, в работе они рассматриваются на материале пролетарской поэзии Царицына.

Пролетарские поэты наделяют героев и героинь чертами сверхчеловека, что сближает их с языческими богами. В приведенном выше стихотворении В. Соловьева «Девушку с телом стальным...» физическая мощь героини гипертрофирована. Она жрица, совершающая священное действие, а сам процесс труда носит мифологизированный характер: его совершает герой-демиург, творящий новую землю и новое небо.

Для мифологического мышления характерно наделение предметов антропоморфными чертами. Нечто подобное этому мы видим в произведениях пролетарской поэзии. В стихотворении И. Шеронова завод предстает в образе жениха, которому заботливая работница-невеста сплетает венки и слагает песни. Завод становится здесь своеобразной моделью нового мира, микрокосмосом, который и создает новую героиню. Мифологизированность в первую очередь коснулась образного строя стихотворных произведений пролетарских поэтов Царицына.

Стихотворение царицынского поэта В. Соловьева «Комсомольская кузница» дает новую интерпретацию слова «творец» (Пламя. 1923. № 3. С. 9). Его «творец» не только сам создал Мир, но и приручил огонь, в чем проявились отголоски сюжета о Прометее:

Новый быт куем в огне
с пляской пламени в горне
<...>
в мире новые творцы
Комсомольцы – кузнецы (Пламя. 1923. № 3. С. 9).

В данном контексте творец – это кузнец, который кует, создает новый мир. В пролетарской поэзии Царицына образ кузнеца предстает могучим, наделенным силой преобразования жизни. В стихотворении С. Ленского «Песнь старика кузнеца» это проявилось в полной мере. Сила духа кузнеца преодолевает не только немощь старости, но и побеждает саму смерть:

Но что мне смерть! Еще кует мой молот
и с песнями, с железом я сливаюсь.
Пусть стар я. Дух рабочий молод!
Я расту, я поднимаюсь (Пламя. 1923. № 4. С. 5).

В стихотворении И. Валяло «Песня кузнецов» труд кузнеца обретает символический смысл борьбы за новый мир:

Будем ковать неизменно:
братья на помощь зовут –
за рубежной стеною пленно:
– К бою, товарищ, готовым будь! (Пламя. 1925. № 2. С. 32).

В стихотворении И. Стукалова «Я сегодня в пыли...» мотив пламени становится определяющим в мифологизированной картине преобразования мира: герой стихотворения предстает в образе, который архетипически восходит к образу Прометея, культурного героя-демиурга, преобразователя мира. Стихотворение строится на системе антитез: герой превращает тьму в

свет (возможно, здесь отголоски горьковского образа Данко), черную сажу – в золотистый песок, огонь наделяется в тексте магической силой, истребляет дикую природу, с которой человек вступает в прямой поединок, – ее символом становится бурьян, высокая сорная трава. В стихотворении И. Стукалова образ бурьяна воплощает в себе мировое зло. Знаменательно обращение в стихотворении пролетарского поэта к характерной оппозиции «тернии / цветы» («вместо терний цветы рассажу впереди»). В этом обращении можно отметить влияние евангельской символики – противопоставления терний и роз, с одной стороны, с другой – влияние фразеологизма «через тернии к звездам».

Таким образом, в творчестве пролетарских поэтов Царицына выстраивается система мотивов и образов, которые соотносятся с предшествовавшей им поэзией Пролеткульта и в то же время выходят за рамки Пролеткультовского канона, создают новую художественную модель.

В **заключении** диссертации излагаются общие итоги исследования и намечаются перспективы работы. Дальнейшей разработки требует множество вопросов, связанных, например, с истоками пролетарской поэзии Царицына в других видах искусства – музыкальном, изобразительном, киноискусстве; тема соотношения пролетарской поэзии Царицына с творчеством русских поэтов предшествующих эпох, прежде всего Серебряного века русской поэзии, и с творчеством их современников. Более детального изучения требует проблема соотношения между пролетарской поэзией 1920-х гг. и поэзией Пролеткульта. Все эти вопросы мы относим к дальнейшей перспективе исследования по теме диссертации.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях автора:

*Статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК
Министерства образования и науки Российской Федерации*

1. Якименко, Е.Р. Модель антропоморфного пространства в пролетарской поэзии / Н.Е. Тропкина, Е.Р. Якименко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. «Филологические науки». – 2013. – № 6 (81). – С. 119–122 (0,5 п. л.).

2. Якименко, Е.Р. Черты романтизма в пролетарской поэзии / Е.Р. Якименко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 1. – С. 296–298 (0,5 п. л.).

3. Якименко, Е.Р. Мифологические образы в пролетарской поэзии / Е.Р. Якименко // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2015. Т. 1. Филология. № 1. С. 15–22 (0,4 п. л.).

Статьи в сборниках научных трудов и материалов научных конференций

4. Попович (Якименко), Е.Р. Пролетарская поэзия Царицына на страницах журнала «Пламя» / Е.Р. Попович, Н.Е. Тропкина // Вопросы краеведения. Вып. 12. Материалы XX краевед. чтений / Комитет по культуре Администрации Волгогр. обл., Волгогр. обл. краевед. музей, Волгогр. обл. о-во краеведов; редкол.: И.О. Тюменцев (отв. ред.) [и др.]. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. – С. 420–423 (0,2 п. л.).

5. Попович (Якименко), Е.Р. Эмоциональное и рациональное в пролетарской поэзии / Е.Р. Попович // Проблемы «ума» и «сердца» в современной филологической науке: сб. науч. ст. по итогам V Междунар. науч. конф. «Рациональное и эмоциональное в литературе и фольклоре». Волгоград, 26–28 окт. 2009 г. / отв. ред. Е.Ф. Манаенкова. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010. – С. 318–324 (0,5 п. л.).

6. Попович (Якименко), Е.Р. Православная традиция и ее отражение в пролетарской литературе / Е.Р. Попович // Особенности духовно-нравственного формирования личности в современных условиях: материалы Всерос. науч.-практ. конф. г. Михайловка Волгоградской области, 21–22 окт. 2010 г. – Михайловка, 2010. – С. 233–236 (0,4 п. л.).

7. Попович (Якименко), Е.Р. Фольклорная поэтика в творчестве пролетарских поэтов / Е.Р. Попович // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: материалы III Междунар. науч. конф. (Чита, ЗабГГПУ, 10–11 дек. 2010 г.) / сост. Г.Д. Ахметова, Т.Ю. Игнатович; Забайкал. гос.-гуманит. пед. ун-т. Чита, 2010. – С. 200–202 (0,4 п. л.).

8. Попович (Якименко), Е.Р. Религиозные образы в творчестве пролетарских поэтов / Е.Р. Попович // Царицынские рождественские чтения. Вып. 1 / под ред. В.И. Супруна. – Волгоград: Изд-во лицея № 8 «Олимпия», 2011. – С. 203–208 (0,4 п. л.).

9. Попович (Якименко), Е.Р. Образы природы в лирике пролетарских поэтов / Е.Р. Попович // Восток–Запад: пространство природы и пространство культуры в русской литературе и фольклоре: сб. ст. по итогам IV Междунар. науч. конф. (заоч.) / отв. ред. Н.Е. Тропкина, Ж. Хетени. Волгоград, 19 нояб. 2010 г. – Волгоград: Изд-во «Парадигма», 2011. – С. 275–280 (0,4 п. л.).

10. Якименко, Е.Р. Поэтика гиперболизма в творчестве пролетарских поэтов / Е.Р. Якименко // Литература в диалоге культур-9: материалы заоч. Междунар. науч. конф. / редкол.: Е.В. Григорьева (отв. ред.) [и др.]. – Ростов н/Д.: Foundation, 2011. – С. 205–207 (0,4 п. л.).

11. Попович (Якименко), Е.Р. Образ родного города в творчестве пролетарских поэтов Царицына / Е.Р. Попович // Вопросы краеведения: материалы краеведческих чтений / Волгогр. обл. краевед. музей; Волгогр. обл. о-во краеведов; редкол.: И.О. Тюменцев [и др.]. – Волгоград, 2012. – Вып. 13: материалы XXI и XXII краеведческих чтений. – С. 557–561 (0,3 п. л.).

12. Якименко, Е.Р. «Трудовой восторг» в творчестве пролетарских поэтов / Е.Р. Якименко // Литература и фольклор в аспекте проблемы «рациональное – эмоциональное»: сб. науч. ст. по итогам VI Междунар. науч. конф. «Рациональное и эмоциональное в литературе и фольклоре»: Волгоград, 31 окт. – 2 нояб. 2011 г. / отв. ред. Е.Ф. Манаенкова [Электронный вариант печатного издания]. – Волгоград: Парадигма, 2012. – С. 375–379 (0,3 п. л.).

13. Якименко, Е.Р. Патриотические мотивы в пролетарской поэзии Царицына / Е.Р. Якименко // Золотая звезда: города-побратимы – символ совместного наследия: сб. материалов междунар. конф. / под ред. И.А. Прихожан и В.И. Супруна. – Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2013. – С. 250–255 (0,4 п. л.).

14. Якименко, Е.Р. Пролетарская поэзия Царицына на страницах литературно-художественного журнала «Пламя» / Е.Р. Якименко // Междунар. науч.-практ. конф. студ. и аспирантов «Филологические чтения» (27–28 нояб. 2014 г.) [Электронный ресурс]. – Оренбург: ОГУ, 2014. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). URL: <http://search.rsl.ru/ru/record/01007948640> 0,4 п. л.

15. Якименко, Е.Р. «Сохранить и не забыть» (История ЦАПП как культурное наследие региона) / Н.Е. Тропкина, Е.Р. Якименко // Актуальные проблемы науки: материалы I Всерос. (заочной) науч.-практ. конф. (с междунар. участием). Т. 5 (секция «Филологические науки») / под общ. ред. А.И. Вострецова. – Нефтекамск: РИО ООО «Наука и образование», 2014. – С. 79–84 (0,3 п. л.).

16. Якименко, Е.Р. Патриотические мотивы в пролетарской поэзии Царицына / Е.Р. Якименко // Сталинградская гвоздика. Города-побратимы – символ совместного наследия: сб. материалов / под ред. И.А. Прихожан и В.И. Супруна. – Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2015. – С. 248–256 (0,5 п. л.).

17. Якименко, Е.Р. Крестьянская и пролетарская поэзия / Е.Р. Якименко // Всероссийский образовательный портал «Продленка»

[Электронный ресурс]. URL: www.prodlenka.org. Свидетельство о публикации СЕРИЯ 110947-129105. Дата публикации: 08.05.2015 г. (0,4 п. л.).

18. Якименко, Е.Р. Пролетарские поэты Царицына / Е.Р. Якименко // Всероссийский образовательный портал «Продленка» [Электронный ресурс]. URL: www.prodlenka.org. Свидетельство о публикации СЕРИЯ 110947-206117. Дата публикации: 23.05.2016 г. (0,3 п. л.).

19. Якименко, Е.Р., Тропкина, Н.Е. Производственное пространство в пролетарской поэзии Царицына / Е.Р. Якименко, Н.Е. Тропкина // «Гений места» в русском искусстве XX века: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 135-летию И.И. Машкова (г. Волгоград, 10–11 нояб. 2016 г.): сб. науч. ст. / отв. ред. О.П. Малкова; Волгогр. музей изобр. искусств им. И.И. Машкова, Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т, Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград: Панорама, 2016. – С. 252–259 (0,6 п. л.).

ЯКИМЕНКО Екатерина Романовна

ПРОЛЕТАРСКАЯ ПОЭЗИЯ ЦАРИЦЫНА 1920-х ГОДОВ:
ИСТОКИ И ОБРАЗНЫЙ СТРОЙ

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано к печати 03.03.17. Формат 60x84/16.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 110 экз. Заказ .

Типография Издательства ВГСПУ «Перемена»
400066, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27